

Доктор Уокер, местный практикующий врач, конечно, был первым вызван как свидетель. Его показания были чисто медицинскими. Он подтвердил, что проводил осмотр тела, и заявил, что обнаружил, что к ноздрям женщины был прижат носовой платок, пропитанный хлороформом, вероятно, пока она спала, а впоследствии ее горло было перерезано острым ножом; смерть, должно быть, наступила мгновенно, поскольку бедняжка, похоже, вообще не сопротивлялась.

Отвечая на вопрос coronera, врач сказал, что для совершения ужасного поступка не потребовалось большой силы или грубости, поскольку жертва, несомненно, была без сознания, когда все произошло. В то же время это указывает на необычное хладнокровие и решительность.

Был предъявлен носовой платок, а также нож. Первый был яркого цвета и, как утверждается, принадлежал покойной. Последний представлял собой заграничный старинный охотничий нож из коллекции доспехов и оружия, украшающей угол зала. Он был найден детективом Эллиотом в зарослях утесника на близлежащей площадке для гольфа. Не могло быть никаких сомнений в том, что он был использован убийцей для своих гнусных целей, поскольку на момент обнаружения на нем все еще были следы крови.

Следующим вызванным свидетелем стал капитан Джек. Ему нечего было сказать, поскольку он только увидел тело с другого конца комнаты, немедленно закрыл дверь и, попросив кузину успокоиться, позвал своего камердинера и послал его за доктором.

Были вызваны некоторые слуги замка Фордвич, все они свидетельствовали о странной молчаливости индианки, которая отделяла ее от других слуг. Однако у горничной мисс Генриетты, Джейн Партлетт, нашлись еще один или два интересных факта для протокола. Похоже, она была более близка с покойной, чем кто-либо другой, и, по крайней мере, однажды имела с ней довольно конфиденциальную беседу.

- Она говорила в основном о своей госпоже, - сказала Джейн в ответ на вопрос coronera, - которой была очень предана. Она сказала мне, что так любила ее, что готова за нее умереть. Конечно, я подумала, что это глупость и просто неразумная болтовня иностранки, но Руна очень разозлилась, когда я посмеялась над ней, а потом расстегнула платье спереди и показала мне какие-то бумаги, которые были скрыты за подкладкой. «Все эти бумаги - состояние моей маленькой мисси, - сказала она мне. - Руна хранит их ценой своей жизни. Сначала нужно убить Руну, чтобы забрать их у нее!»

- Это было около шести недель назад, - продолжила Джейн, и странное ощущение ужаса, казалось, овладевало присутствующими во время этой речи. - В последнее время она стала гораздо более молчаливой, а когда я однажды упомянул о бумагах, она свирепо набросилась на меня и велела придержать язык.

На вопрос, упоминала ли она кому-нибудь о случае с бумагами, Джейн ответила отрицательно.

- За исключением мисс Генриетты, конечно, - добавила она после небольшого колебания.

На протяжении всех этих предварительных допросов леди д'Альбукерк, сидевшая между своим кузеном капитаном Джеком и племянницей Генриеттой, хранила полное молчание и застыла прямо, выказывая надменное безразличие. Генриетта, с другой стороны, выглядела явно скучающей. Раз или два она громко зевнула, что вызвало у зрителей настоящий гнев по отношению к ней. Подобная бессердечность перед лицом столь загадочной трагедии, когда ее собственная сестра явно пребывала в глубоком горе, произвела на всех крайне неблагоприятное впечатление. Было хорошо известно, что юная леди незадолго до

расследования упражнялась в фехтовании в комнате, расположенной прямо под той, где лежала мертвая Руна, и что в течение часа после обнаружения трагедии она спокойно играла в гольф.

Затем вызвали мисс Джоанну Дюплесси.

Когда молодая девушка выступила вперед, в зале воцарилась та благоговейная тишина, которая обычно охватывает внимательную публику, когда вот-вот поднимется занавес перед решающим актом драматической пьесы. Но она была спокойной, держала себя в руках и удивительно трогательно выглядела в насыщенно-черном платье, трагическая кончина верной подруги оставила на ее юном лице явные следы скорби.

В ответе коронеру она представилась как Джоанна Кларисса Дюплесси и кратко сообщила, что до дня смерти своей служанки проживала в замке Фордвич, но с тех пор покинула это временное пристанище и поселилась в «Гербе д'Альбукерка», тихой маленькой гостинице на окраине города.

Те, кто не еще не знал об этом, заметно удивились, а затем коронер любезно сказал:

- Вы родились, я полагаю, в Пондишери, в Индии, и являетесь младшей дочерью капитана и миссис Дюплесси, которая была родной сестрой ее светлости?

- Я родилась в Пондишери, - спокойно ответила молодая девушка, - и я единственный законнорожденный ребенок покойного капитана и миссис Дюплесси, родной сестры ее светлости.

При этих словах по толпе прокатилась волна эмоций, быстро подавленных коронером. Ударение, сделанное свидетельницей на слове «законный», не могло быть случайным, и все чувствовали, что здесь кроется ключ к загадке смерти индианки, которая до сих пор оставалась таинственной.

Теперь все взгляды были обращены на старую леди д'Альбукерк и ее племянницу Генриетту, но две дамы шептались между собой и, по-видимому, утратили всякий интерес к происходящему.

- Покойная была вашей доверенной горничной, не так ли? - спросил коронер после небольшой паузы.

- Да.

- Она недавно приехала с вами в Англию?

- Да; она должна была сопровождать меня, чтобы помочь мне подтвердить мои права на то, что я единственный законный ребенок моей покойной матери и, следовательно, наследница баронства д'Альбукерк.

<http://tl.rulate.ru/book/114986/4469382>